

*Кулешова О.В.**

ОБРАЗЫ РУССКОЙ КЛАССИКИ КАК ПРОВОЗВЕСТНИКИ ГРЯДУЩИХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. Русская литература и философия, на протяжении столетий развивающиеся в неразрывном единстве, отражали социальные и культурные процессы, происходящие в обществе. Вопрос о роли и месте человека в истории определял ход мысли при создании философских концепций и образную систему произведений классической литературы. Выдающиеся писатели и философы обладали пророческим видением, и их произведения и образы во многом предвосхищали вызовы и катастрофы XX столетия. Проблема взаимодействия свободы как философской категории и человеческой личности стала основной для творчества Ф.М. Достоевского, напрямую влияя на создание художественных образов романа «Братья Карамазовы» и философских систем представителей религиозного ренессанса рубежа XIX–XX вв. Сохранение человеческого в человеке, способность его противостоять грядущим вызовам напрямую связывались духовными мыслителями прошлого с иррациональной природой человека, религиозным идеалом, богоподобием. Попытка создания всемирного единения людей в

** Кулешова Ольга Валерьевна – кандидат филологических наук, заведующая Отделом культурологии, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; kuleshova.o.v@gmail.com*

Kuleshova Olga Valerjevna – PhD in Philology, Head of the Department of Cultural Studies, Leading Researcher of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; kuleshova.o.v@gmail.com

безбожном атеистическом государстве рассматривалась как несостоятельная.

Ключевые слова: личность; свобода; русская литература; Ф.М. Достоевский; русская религиозная философия; антиутопия; цифровизация; глобальные вызовы.

Поступила: 12.05.2023

Принята к печати: 10.06.2023

Для цитирования: Кулешова О.В. Образы русской классики как провозвестники грядущих вызовов и их переосмысление в цифровую эпоху // Вестник культурологии. – 2023. – № 3(106). – С. 211–222. – DOI: 10.31249/hoc/2023.03.13

Kuleshova O.V.

Images of Russian Classics as harbingers of coming challenges

Abstract. Russian literature and philosophy, developing for centuries in an inseparable unity, reflected the social and cultural processes taking place in society. And the question of the role and place of man in history determined the course of thought in the creation of philosophical concepts and the figurative system of works of classical literature. Outstanding writers and philosophers had a prophetic vision and their works and images largely anticipated the challenges and catastrophes of the twentieth century. The problem of interaction between freedom as a philosophical category and a human personality became the main theme for F.M. Dostoevsky's works, directly influencing the creation of artistic images of the novel *The Brothers Karamazov*, and philosophical systems of representatives of the religious renaissance of the turn of the 19th-20th centuries. The preservation of humanity in man, his ability to withstand the coming challenges directly linked spiritual thinkers of the past to the irrational nature of man, the religious ideal, God-like. The attempt to create a worldwide unity of people in a godless atheistic state was seen as untenable.

Keywords: personality, freedom, Russian literature, F.M. Dostoevsky, Russian religious philosophy, dystopia, digitalization, global challenges.

Received: 12.05.2023

Accepted: 10.06.2023

For quoting: Kuleshova O.V. Images of Russian classics as harbingers of coming challenges and their reinterpretation in the digital age // Bulletin of Cultural Studies. – 2023. – № 3(106). – P. 211–222. DOI: 10.31249/hoc/2023.03.13

Русская литература всегда выступала катализатором общественного сознания, и философия существовала в симбиозе с литературой. Вопрос о месте человека в культуре был основным для русской классики и литературной, и философской. Наша задача в данной статье – проследить как образы русской классической литературы предвосхищали духовные трансформации человека XX столетия и исследовать их значение для современной культуры, стремительно меняющейся в цифровую эпоху, вынуждающую человека противостоять глобальным вызовам.

Духовное наследие Ф.М. Достоевского

Вся русская литература XIX в. занималась исследованием человека. Но именно Ф.М. Достоевскому удалось дойти до последних экзистенциальных глубин человеческой натуры, исследовать ее иррациональную природу. Судьба писателя определила его интерес к «конечным вопросам».

Оказавшись на пороге жизни и смерти и получив в подарок жизнь, Достоевский все отпущенное ему земное время стремился к постижению смысла бытия, размышлял о вопросах веры и безверия, пытаясь отвратить общество от нигилизма и разложения, сохранить миру позитивный идеал, который, как он верил, восторжествует в России. По мысли Ю.А. Сухарева, «романы Достоевского – это эксперименты в поисках божественного стержня в человеке. Их герои – это не просто образы русских людей, но и воплощение религиозно-мистического характера русской культуры» [Сухарев, 1999, с. 94].

Достоевский проповедовал идеал религиозный, ставший для него несомненным после чудесного спасения и пути на каторгу, когда в пересыльной тюрьме жены декабристов Наталья Дмитриевна Фонвизина и Прасковья Егоровна Анненкова подарили ему Евангелие, которое он хранил до конца жизни. Свои либеральные идеи он должен был

искупить страданием, пройдя ссылку и каторгу, сумел возродиться вновь для жизни и творчества, руководствуясь образом Христа, обрел семейное счастье, стал всемирно известным писателем. Творчество Достоевского автобиографично, идеи выстраданы, его собственное сердце вмещало великие бездны и противоречия, идеи героев не выдумка, а пережитая правда.

Конечные вопросы он вкладывал в уста персонажей своих произведений. Русские мальчики в трактирах беседовали о вечном на страницах его романов. Главный и самый болезненный вопрос, поставленный писателем: сможет ли человечество устроиться без Бога и к каким последствиям такое устройство приведет. Эта идея многократно проверяется героями Достоевского.

Свою идею Достоевский развивает во вставной новелле, рассказанной Иваном Карамазовым, в поэме «Великий инквизитор». Безусловно, это один из главных смысловых центров романа «Братья Карамазовы». Вызывает интерес точка зрения немецкого ученого Р.-Д. Клюге, представленная отечественным исследователем Ф.М. Достоевского А.Б. Криницыным и дающая новый взгляд на хорошо изученный текст. Ученый размышляет о близости понимания фигуры Христа протестантизмом, воплощающим свободу веры и противостоящим тоталитарной централизующей власти католицизма, к идеям Достоевского, изложенным в поэме о Великом инквизиторе [Криницын, 2022, с. 208]. Заслуживает внимания и мысль о преемственности, а не противопоставлении религиозных убеждений писателя и его «революционных» взглядов конца 1840-х годов, объясняемая исследователем христианской природой мировоззрения ранних социалистов. А.Б. Криницын подчеркивает плодотворность идеи «не о переломе, но о последовательной эволюции христианских взглядов Достоевского» [там же, с. 209]. На наш взгляд, интерес представляет и работа Т.В. Ковалевской, укрепляющей мнение исследователей о том, «что в ключевых концепциях своей религиозной антропологии Достоевский был ортодоксальным христианским мыслителем». [Ковалевская, 2022, с. 182]. Анализируя текстуальные параллели между Первым соборным посланием Иоанна Богослова и текстами Достоевского, автор приходит к важному выводу об антиномиях Ф.М. Достоевского, рожденных отталкиванием от текста Иоанна Богослова. «Достоевский формулирует собственную антиномию – природу христианской любви, и из

этой антиномии вытекает его доказательство бессмертия души и представление о конечном предназначении человека к обожению» [Ковалевская, 2022, с. 178].

Поэма о «Великом инквизиторе» представляет собой, по нашему мнению, развернутую антиномию и является ярким образцом христианского мировидения писателя, демонстрирующего его взгляды о высшем назначении человека. Именно в ней Достоевский описал попытку всемирного устройства человечества без Бога. В новелле писатель моделирует тоталитарное общество, основанное на отрицании Бога, что тождественно для него отрицанию свободы познания добра и зла и свободы выбора. Главный дар, в понимании Достоевского, принесенный Христом человечеству, – свобода. Христос возжелал свободной любви и свободной веры. Человек, который тяготится этим даром и готов отдать свою свободу кесарю, становится винтиком тоталитарной машины, теряет не только веру, но и бессмертный образ Божий, способность к воскресению. Душа такого человека мертва. Смысл его жизни – стяжание материальных благ. Его радости – радости убогого и бессильного существа, которому навязали образ жизни, систему ценностей, удовлетворив его материальные потребности. У него отобрали возможность решать, что хорошо и что плохо, что благо для него, а что зло. У такого человека не может быть бессмертной души. Смерть и забвение – логичный финал его жизни. Модель подобного общества рисует в романе Иван Карамазов, устами Великого инквизитора, относящего себя к немногим сильным, избранной элите, которая будет решать судьбы безликой массы, толпы, состоящей из слабых людей, принесших свою свободу в дар кесарю, обменявших ее на земные блага: хлеб насущный и тихую радость подчинения, неспособность думать, принимать решения и брать на себя ответственность. Все, что принес Христос в мир и что могло пойти человеку во благо, меняет смысл в устах Великого инквизитора, обращаясь в свою противоположность. Вместо свободной веры, вдохновляемой образом Христа, Инквизитор рисует веру, основанную на власти чуда, тайны и авторитета, веру, приводящую к безбожию и смерти Бога. Всемирное счастье людей Инквизитор пытается основать, используя меч кесаря. При этом личности окончательно теряют свои индивидуальные очертания, превращаясь в безликую массу. Жаждой всемирного воссоединения Инквизитор обосновывает свое

право распоряжаться чужими жизнями: «...все, чего ищет человек на земле ...: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть и третье и последнее мучение людей. Всегда человечество в целом своем стремилось устроиться непременно всемирно. Много было великих народов с великою историей, но чем выше были эти народы, тем были и несчастнее, ибо сильнее других сознавали потребность всемирности соединения людей» [Достоевский, 1981, т. 1, с. 292]. Принятие мифа и порфиры кесаря, по мысли Великого инквизитора, дает возможность основать всемирное царство и дать всемирный покой: «Ибо кому же владеть людьми, как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлеба их» [там же, с. 292–293].

Исследование человека в философии русского религиозного ренессанса

Идеи, высказанные Ф.М. Достоевским в поэме «Великий инквизитор», во многом предвосхитили роман-антиутопию XX столетия и стали питательной почвой для философии русского религиозного ренессанса рубежа XIX–XX вв. Интерес к человеку и его иррациональной природе были заимствованы русскими религиозными философами у Достоевского. Знаменитое высказывание писателя о тайне человеческой личности перекликается с представлением Бердяева о человеке как величайшей загадке в мире [Бердяев, 1995, с. 11–12].

Основываясь на христианских идеалах и делая акцент на духовной сущности человека, считая духовную жизнь настоящей реальностью, а не проекцией материальных процессов, происходящих на земле, русские философы возвышают личность необычайно, изучая ее духовные и творческие потенции, рассматривая ее богоподобие, выводя в надмирное пространство и даже в космическое измерение. «Бесконечный дух человека претендует на абсолютный, сверхприродный антропоцентризм, он сознает себя абсолютным центром не данной замкнутой планетной системы, а всего бытия, всех планов бытия, всех миров», – пишет Н.А. Бердяев [Бердяев, 1989, с. 310].

Категорию свободы и проблему существования свободной воли индивида Бердяев рассматривает в том же ключе, что и Достоевский.

Свобода иррациональна и дана человеку изначально. Только свободной волей в духовном бытии возможно познать Бога. Путь духовного возрождения и творчества – единственная возможность для достижения всеединства в Царстве Божием и обретения божественной субстанции. Эти идеи роднят Бердяева с Вл. Соловьевым. Идеи Бердяева и Соловьева звучат антитезой к мыслям, высказанным Великим инквизитором в романе Достоевского «Братья Карамазовы». От общества, основанного на полной утрате человеческой личности, предостерегал Достоевский. Религиозный ренессанс возвращает человека к основам, открывает путь творчества, возрождения в духе, дает смысл жизни, не ограниченный временным отрезком материального существования.

Показательно в данном ключе и творчество Д.С. Мережковского. Его эмигрантские произведения создают особую духовную картину мира. Роман «Иисус Неизвестный» (1932–1934) особенно важен для понимания мировидения писателя. Христоцентричная философия Мережковского – прямое наследие Достоевского, готового пожертвовать даже истиной, чтобы только остаться со Христом. Христос для Мережковского – величайшая личность в истории, соединившая в себе Божескую и человеческую природу, а также вершина философской концепции писателя, начало всех его культурных и философских построений. Безбожие тождественно безличности для Мережковского, так же как и для Достоевского. Философия Мережковского выросла из Легенды о Великом инквизиторе. Но если Достоевский видел и предчувствовал нарождающиеся силы нигилизма, опасаясь, что они взорвут общество, и оставил гениальное предвидение машины тоталитарного государства, то Мережковский уже жил в ситуации, когда идеи были полностью воплощены, а государства созданы. В трилогии «Реформаторы: Лютер, Кальвин, Паскаль» (1941) Мережковский рассуждает о социальном устройстве современных ему обществ и государств, основанных на безверии, отрицании личности Христа и как следствие отрицании личности как таковой, несвободе и насилию.

Огромный интерес к категории свободы также воспринят Мережковским у Достоевского. Свобода воли человека промыслом Божиим не нарушается, считал Мережковский. Дихотомия добра и зла присуща человеческой личности. Эти убеждения Мережковского параллельны представлениям Достоевского о широте человека. Мережков-

ский, следуя за Достоевским, противопоставляет фигуру Христа – личность величайшую – безликой государственности XX столетия. Два полюса государственности – коммунизм и фашизм – оказываются одинаково неприемлемыми для писателя. Вопрос Достоевского: быть или иметь? – вырастает у Мережковского в антиномию духовного и материального. В соответствии с логикой писателя приоритет духовного над материальным обретается человеком только через свободный выбор, любовь ко Христу, достижение благодати, приближение к Царству Божию. Существующее в истории государство, утверждающее приоритет материального над духовным, отрицающее Личность, должно отмереть в эсхатологии при наступлении Царства Божия (Третьего завета Духа-Матери) на земле.

Фигура Христа открывает портретную галерею исторических персонажей, по мысли писателя, сумевших приблизиться к нему. Мережковский создает многочисленные романы-биографии, как правило, объединяя их в трилогии, что связано с его мистическим истолкованием числа три, восходящим к Святой Троице. Помимо уже названной выше трилогии, это «Наполеон» (1929), «Лица святых от Иисуса к нам: Павел, Августин» (1936), «Франциск Ассизский» (1938), «Жанна д'Арк и Третье Царство Духа» (1938), «Данте» (1939), «Испанские мистики: Святая Тереза Иисуса. Святой Иоанн Креста. Маленькая Тереза» (издана только в 1998 г.). Как видится Мережковскому, выбранные им исторические персонажи – величайшие личности, стремящиеся закончить историю путем достижения Третьего Завета Матери-Духа – царства Божия на земле, все они служат одной цели – раскрытию его эсхатологической концепции и утверждению величайшей Личности Христа, противопоставляемой безликой государственности. [Кулешова, 2007].

Антиутопия как утверждение иррационального

Вопрос свободы воли человека стал определяющим и в антиутопии XX в. Корни этого жанра литературы также уходят в русскую культуру, и основателем его можно считать Е.И. Замятина. В романе «Мы» писатель восстает против тоталитарной машины государства, предлагая выход для человека: мятеж, восстание, заговор. В.А. Чаликова, исследуя антиутопию Замятина и рассматривая ее в

контексте европейской культуры, приходит к выводу о близости русской антиутопии философскому и глубоко романтическому роману Хаксли «Прекрасный новый мир». Представление о государстве как о тоталитарной машине, насильственно подавляющей индивидуальность человека, роднит обоих писателей и восходит к Легенде о Великом инквизиторе Достоевского: «Государство в обоих романах – орган, отпускающий подданным принудительное счастье, основа которого – стабильность. Оба возникли в результате последней и окончательной всемирной революции» [Чаликова, 2021, с. 81]. Замятин, следуя традиции Достоевского, восстает против господства рационального истолкования человека: «Мнение, что разум может полностью контролировать жизнь человека, подорвано еще в начале века биологическими доктринами Дарвина и Вундта, философией Кьеркегора и Достоевского, трудами Павлова и Фрейда – всех, кто видел силу иррационального в человеке. Замятин в 1920 г. в какой-то мере боролся уже с призраком...» [Richards; цит. по: Чаликова, 2021, с. 81–82].

Новые грани рационализации человека в цифровую эпоху

Стирание граней индивидуальности еще быстрее и масштабнее стало происходить в эпоху развития научно-технического прогресса, развития аналоговых СМИ [Musik, Vogner ...]. В эпоху глобализации и цифровизации многократно выросла возможность манипуляции общественным мнением. Виртуальная реальность вытесняет из жизни реального человека. Общество потребления подменяет духовные запросы человека ищущего, рефлексизирующего стремлением к приобретению материальных благ. Цифровизация делает возможным неограниченный контроль над человеческой личностью. Интернет предлагает человеку новостную информацию, с целью влияния на его психику и восприятие, формируя тот образ потребителя, который необходим властным структурам [Бытие ... , 2019]. Любое современное государство может формировать ту идеологию, которая ему выгодна. Мировые религии разных стран, призванные ориентировать общество на высокие образцы, тоже используются политическими элитами в идеологических и утилитарных целях. Вызовы современной цивилизации, которым вынужден противостоять человек сегодня, диктуют необходимость формирования позитивного общественного идеала, ориенти-

рованного на уникальность человеческой личности, ее неповторимость и единственность. Таким образом, наследие русской классики остается духовной основой, на которой может и должно строиться мировоззрение современного общества.

Список литературы

Исследования

Бытие, познание и человек в цифровую эпоху : учебное пособие / Косилова Е.В., Мионов В.В., Сокулер З.А., Фролов А.В., Шапошников В.А. ; Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2019. – С. 46–47.

Ковалевская Т.В. Первое соборное послание апостола Иоанна Богослова в мысли и творчестве Ф.М. Достоевского // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9: Филология. – 2022. – № 4. – С. 175–184.

Корнева С.А. Некоторые аспекты рассмотрения проблемы свободы русскими религиозными философами конца XIX – первой половины XX века (Н.А. Бердяев, Вл. Соловьев, Ф.М. Достоевский) // Вестник МГТУ. – Москва, 2010. – Т. 13, № 2. – С. 349–354.

Криницын А.Б. [Рецензия] // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. – Москва, 2022. – № 5. – С. 205–211. – Рец. на кн.: Kluge R.-D.F.M. Dostojevskij. Eine Einführung in Leben, Werk und Wirkung / Red. Dorothea Scholl ; WBG Academic (Wissenschaftliche Buchgesellschaft). – Darmstadt, 2021. – 352 S.

Кулешова О.В. Притчи Дмитрия Мережковского: единство философского и художественного. – Москва : Наука, 2007. – 214 с.

Сухарев Ю.А. Религиозно-нравственная проблема свободы личности в творчестве Достоевского // Философия и общество. – 1999. – № 3. – С. 94–108.

Чаликова В.А. Антиутопия Евгения Замятина: пародия или альтернатива // Феномен утопии в общественном сознании и культуре. Памяти Виктории Атомовны Чаликовой : сборник научных трудов. – Москва : ИНИОН РАН, 2021. – С. 76–110.

Шадрина А.С. Двадцать два дня из жизни Ф.М. Достоевского (город Кузнецк, 1856–1857). – Новокузнецк : б/и, 2016. – 232 с.

Musik C., Bogner A. Digitalization & society. A sociology of technology perspective on current trends in data, digital security and the internet. – URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs11614-019-00344-5.pdf> (дата обращения: 13.02.2021).

Pachmuss T. Merezhkovsky in exile: the master of the genre of biographie romances. – New York : Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 1990. – 338 p.

Richards D. Four utopias // Slavonic and East European Review. – London : Univ. College London : School of Slavonic and East European Studies, 1961. – Vol. 15, N 94. – P. 220–228.

Источники

Бердяев Н.А. Великий Инквизитор. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=39377> (дата обращения: 09.11.2022).

- Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. – Москва : АСТ, 2006. – 226 с.
- Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека // *Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря*. – Москва : Республика, 1995. – С. 4–162.
- Бердяев Н.А. Смысл творчества. – Москва : Искусство, 1989. – 345 с.
- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 томах. – Ленинград : Наука, 1972–1990.
- Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы : в двух томах. – Москва : Современник, 1981. – Т. 1. – 368 с. ; т. 2. – 544 с.
- Замятин Е.И. Мы. – Москва : АСТ, 2018. – 224 с.
- Мережковский Д.С. Собрание сочинений. Иисус Незвестный. – Москва : Республика, 1996. – 687 с.
- Мережковский Д.С. Собрание сочинений. Реформаторы. Испанские мистики. – Москва : Республика, 2002. – 543 с.
- Соловьев В.С. Философская публицистика. – Москва : Правда, 1989. – Т. 1. – 688 с. ; Т. 2. – 736 с.

References

- Kovalevskaya, T.V. Pervoe sobornoe poslanie apostola Ioanna Bogoslova v mysli i tvorchestve F.M. Dostoevskogo [The First Conciliar Epistle of the Apostle John the Theologian in the Thought and work of F.M. Dostoevsky]. In *Vestn. Mosk. un-ta. Seriya 9. Filologiya*, no. 4, 2022, pp. 175–184. (In Russ.)
- Korneva, S.A. Nekotorye aspekty rassmotreniya problemy svobody russkimi religioznymi filosofami konca XIX – pervoj poloviny XX vekov (N.A. Berdyaev, V.I. Solov'ev, F.M. Dostoevskij) [Some aspects of the consideration of the problem of freedom by Russian religious philosophers of the late nineteenth and first half of the twentieth centuries (N.A. Berdyaev, V.I. Solov'ev, F.M. Dostoevsky)]. In *Bulletin of the Moscow State Technical University*. Moscow, 2010. Vol. 13, no. 2, pp. 349–354. (In Russ.)
- Kosilova, E.V., Mironov, V.V., Sokuler, Z.A., Frolov, A.V., Shaposhnikov, V.A. *Bytie, poznanie i chelovek v cifrovuyu epohu: Uchebnoe posobie*. Filosofskij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova [Being, Cognition and Man in the Digital Age: A Textbook. Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University]. Moscow, Publisher Vorobyov A.V., 2019, pp. 46–47. (In Russ.)
- Krincyn, A.B. [Recenziya=Review]. In *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologiya*, no. 5, Moscow, 2022, pp. 205–211. Rec. na kn. [book review]: Kluge R.-D.F.M. Dostojevskij. Eine Einführung in Leben, Werk und Wirkung. Red. Dorothea Scholl: WBG Academic (Wissenschaft liche Buchgesellschaft). Darmstadt, 2021. 352 pp. (In Russ.)
- Kuleshova, O.V. *Pritchi Dmitriya Merezhkovskogo: edinstvo filosofskogo i hudozhestvennogo* [The Parables of Dmitry Merezhkovsky: the unity of philosophical and artistic]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 214 p. (In Russ.)
- Sukharev, Yu.A. Religiozno-nravstvennaya problema svobody lichnosti v tvorchestve Dostoevskogo [The religious and moral problem of individual freedom in the works of Dostoevsky]. In *Philosophy and Society*, no. 3, 1999, pp. 94–108. (In Russ.)
- Chalikova, V.A. Antiutopiya Evgeniya Zamyatina: parodiya ili al'ternativa [Evgeny Zamyatin's dystopia: a parody or an alternative]. In *Fenomen utopii v obshchestvennom*

soznanii i kul'ture. Pamyati Viktorii Atomovny Chalikovej. Sbornik nauchnyh trudov [The phenomenon of utopia in public consciousness and culture. In memory of Victoria Antonovna Chalikova. Collection of scientific papers]. Moscow, INION RAS Publ., 2021, pp. 76–110. (In Russ.)

Shadrina, A.S. *Dvadcat' dva dnya iz zhizni F.M. Dostoevskogo (gorod Kuzneck, 1856–1857)* [Twenty-two days from the life of F.M. Dostoevsky (the city of Kuznetsk, 1856–1857)]. Novokuznetsk, 2016. 232 p. (In Russ.)

Musik, C. Bogner, A. *Digitalization & society. A sociology of technology perspective on current trends in data, digital security and the internet*. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs11614-019-00344-5.pdf> (date of application: 13.02.2021).

Pachmuss, T. *Merezhkovsky in exile: the master of the genre of biographie romancee*. New York, Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 1990. 338 p.

Richards, D. Four utopias. *Slavonic and East European Review*. London, Univ. College London: School of Slavonic and East European Studies, vol. 15, no. 94, 1961, pp. 220–228.